

жан-батист
брене
ЧТО ЗНАЧИТ
МЫСЛИТЬ?
арабо-
ЛАТИНСКИЙ
ОТВЕТ

ad
marginem

Жан-Батист Брене

**Что значит мыслить?
Арабо-латинский ответ**

«Ад Маргинем Пресс»

2022

УДК 1(5)(091)

ББК 87.3(0)

Брене Ж.

Что значит мыслить? Арабо-латинский ответ / Ж. Брене — «Ад Маргинем Пресс», 2022

ISBN 978-5-91103-733-8

Жан-Батист Брене (род. 1972) — французский философ, профессор Сорбонны, специалист по трудам Аверроэса, арабскому аристотелизму IX–XII веков и его взаимодействию с европейской схоластикой. В этой книге — первом его сочинении, переведенном на русский язык, — он предлагает в некотором роде начать мыслить с чистого листа, то есть посмотреть на само мышление взглядом новичка-первопроходца. Пятнадцать глав служат первыми опорными точками на карте мира мысли, который читателю предстоит открыть заново в свете наследия арабо-латинской культуры — удивительного феномена рецепции античной философии в арабском мире, откуда труды Аристотеля, переведенные с греческого на арабский, откомментированные и вновь переведенные с арабского на латынь, возвращались в западную цивилизацию. Европейское Новое время берет начало с Декарта и его понимания *cogito*, охватывающего, кажется, всё. Произошло это, однако, не иначе как в результате суммирования того, что было создано в арабском и латинском мире предшествующими столетиями, на протяжении которых рождалась фигура интеллектуала. Что же такого поразительного — и в то же время преданного забвению, а значит, нового для нас — смогли сказать о мысли средневековые авторы? Вот предмет этой книги, свободно перебирающей разные подходы к мышлению. Ведь мысль множественна. Если для Аристотеля интеллект подобен руке — орудию из орудий, — то и о мысли можно сказать то же самое. Мышление — это рука, орудие, объединяющее в себе все орудия, слово, полное слов. Человек — не тот, у кого нет своего дела; он тот, чей деятельности мало одного имени; животное, чья деятельность может быть названа лишь множеством именованных. Эта книга — своего рода лексикон, набор ориентиров на ментальной карте, связи между которыми, быть может, очертят

значение того, что зовется мышлением. — Жан-Батист Брене В формате PDF
A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 1(5)(091)

ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-91103-733-8

© Брене Ж., 2022

© Ад Маргинем Пресс, 2022

Содержание

1. Мыслить	7
2. Осязать	8
3. Оценивать, соображать	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Жан-Батист Брене

Что значит мыслить?:

Арабо-латинский ответ

© Que veut dire penser? Arabes et Latins

© Éditions Payot & Rivages, Paris, 2022

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2024

Открывая старые книги на арабском или латыни, – те, что обычно мы не читаем и необдуманно восстаем против них, – мы вдруг встречаем средневековых авторов, охваченных не духом борьбы, а вопрошанием о мысли. Они вдумываются, они отдают всю жизнь делу мысли, они кладут эту жизнь на стол, смотрят на нее и задаются вопросами. И их можно понять. Они хотят знать, кто они, что делают, на что надеются и на что тратят свои силы.

Что они называют мышлением? Декарт определил себя как человека так: я – мыслящая вещь, то есть «вещь сомневающаяся, понимающая, утверждающая, отрицающая, желающая, не желающая, а также обладающая воображением и чувствами». А что говорят средневековые авторы, причем раньше его? Что они отвечают на своем удивительном языке, преданном забвению, а значит – новом для нас? Вот предмет наших раздумий, свободно перебирающих разные подходы.

Ведь мысль многозначна, множественна. Аристотель говорит, что разум подобен руке, инструменту из инструментов; и о мысли можно сказать то же самое. Мышление – это рука, орудие из орудий, слово, полное слов. Человек – не тот, у кого нет своего дела, он тот, чьей деятельности мало одного имени; животное, чья деятельность может быть названа лишь множеством именованний.

Итак, перед вами своего рода лексикон, набор ориентиров на ментальной карте, связи между которыми, быть может, очертят значение того, что зовется мышлением. Следуя друг за другом, главы книги ведут единую нить повествования, но в то же время приобретают свои оттенки, даже порой противоречат друг другу, а интермедии, своего рода заметки на полях, служат им иллюстрациями, контрапунктом или альтернативой. Разумеется, всё, что изложено ниже, открыто для возражений. Слово дано каждому – и тем лучше для всех.

1. Мыслить

Всё начинается с аномалии, создающей своего рода воздушную тягу. Если мы задумаемся над тем, что значит «мыслить» (*penser*), и обратимся к происхождению этого слова, первое, что приходит на ум, – латинский глагол *pensare*. Кажется, всё идет от него и оно, столь плодородное, должно наполнять тексты латинских философов и теологов. Однако археолога здесь ждет сюрприз. У нас *penser* повсюду, у них *pensare* – скорее редкость. Они постоянно рассуждают о мысли, о ее потоках в теле, разуме, однако используют при этом совсем не глагол *pensare*. Выходит, в латинском прошлом «мыслят» мало.

Итак, первое слово, исходное слово отсутствует. Того слова, которое должно было навязывать свою волю, идти впереди, закладывать фундамент для всех остальных, как раз и не хватает. Странно, что слово, выдвинутое на первый план нашей современностью, редко использовалось в схоластике, которая в то же время без конца детализирует, анализирует, определяет формы мыслящей жизни и в какой-то мере является ответственной за возникновение фигуры интеллектуала.

Как это объяснить? Почему выбор пал на столь малоупотребительное, столь неприметное слово? Мы могли бы ответить, что этим жестом Новое время обозначило свой разрыв. Ведь мыслить – это призвание современности; если уж мы приписываем человеку не признаваемые за ним доселе функции и, оставив старые споры в прошлом, с революционной категоричностью определяем его сущность, его особенность, то новое слово необходимо. Мысль, в таком случае, становится новым словом нового мира.

Но есть и другое объяснение, основанное, к тому же, на элементарном наблюдении. Что существенно в деятельности человека, так это его открытость, изменчивость, своего рода неопределенность, в которой и проявляются его сила, разбросанность, податливость всему – недаром Ренессанс увлечется образом хамелеона. Что характерно для человека, так это конфликты между разумом и материей, то есть органами, между свойствами самой психики, где конфликты доходят до патологии, между индивидом и другими, между человеком и животным, природой, космосом, всем мирозданием. Слово «мыслить» обнимает всю эту значимую туманность, стремится собрать ее воедино. Оно удобно не в качестве пустого термина, а именно потому, что определяющая его неопределенность, которая чувствуется уже в самом первом его значении, соответствует неопределенности того, что он должно вобрать в себя и назвать. Исходно мысль – это взвешивание, как на чашах весов; отсюда – идея оценивания, пристального изучения. Мыслить – глагол колебания, осторожной нагрузки, удержания равновесия, как при езде верхом. Это слово проходит между – двух, трех, всех полюсов, позволяя высказать, не замыкая, полиморфный акт бытия, каковой и есть человек. Каковы способы и границы применения этого слова? Именно это мы и хотим узнать.

2. Осязать

Первая мысль дана всем

1. Как далеко мы можем зайти, пытаясь нащупать истоки наших собственных мыслей? Иногда мы задумываемся о нашем первом воспоминании из самого начала детства, о первой запомнившейся нам сцене; но имеет ли это отношение к мысли? Помним ли мы хоть что-то о ее начале? И если мы признаем, что когда-то *начали мыслить*, что был тот самый первый раз (это вовсе не очевидно), то оставил ли он след в нашей памяти? Ответ – нет, и это удивительно.

2. Несомненно, есть первые мысли, извлеченные из опыта. Несомненно, есть момент, когда индивид в начале своего пути впервые схватывает нечто, уже не относящееся к порядку ощущений и образов, – момент встречи с понятием, аксиомой, который открывает двери интеллектуальной жизни, знакомит с универсальным. Но когда и как этот момент наступил? Этого не помнит никто.

Я помню свой первый поход в кино, первое купание в Тихом океане, первый полет; но не помню, когда впервые уловил смысл понятий *целого* и *части*, а также того, что *целое больше части*. Начало мысли для всех нас потеряно безвозвратно. Каждый мыслит в забвении первой мысли, в незнании истоков своей душевной жизни. Вспомним Данте, увидевшего в Вергилии «бездонный родник» слов, который увлек за собой и его; так и мы всегда оказываемся уже пойманными рекой мысли, неспособными найти ее исток. Ментальное восприятие человека может быть понято не иначе, нежели как течение потока, начало которого скрыто, и если это начало, этот исток, сохраняется в потоке, то присутствует там незримо, по необходимости бессознательно.

Почему? Да потому, как говорит Аверроэс, что первые умопостигаемые понятия являются «общими для всех существ (*communicant omnibus entibus*)» и мы получаем их путем индукции, извлекаем из чувственного опыта, как только, достигнув определенного возраста, начинаем что-то ощущать. Это значит, что, столкнувшись с реальными явлениями, мы в первую очередь осмысливаем то общее, что в них и между ними есть; поэтому в восприятии первых умопостигаемых понятий нет ничего исключительного, сужденного одним и не сужденного другим, и происходит оно очень рано, как только мы научаемся правильно пользоваться нашими чувствами.

Так почему мы не помним наших первых мыслей? Как раз потому, что первые умопостигаемые понятия – общие для всех вещей и в силу их общедоступности в них нет ничего запоминающегося; они приобретаются очень рано и в связи с чем угодно. Всякая мысль абстрактна и, как следствие, внимательна к общим признакам вещей, но первое абстрагирование, первая индукция касается признаков не просто общих, но общих для *всех вещей*, а не только для их отдельной группы, класса, рода, вида. Первая мысль – самая широкая, самая общая, и обычно она возникает, как только наши чувства оказываются готовы столкнуться с самой обыкновенной реальностью. Чтобы суметь помыслить *ту* или *иную* вещь, нужно дождаться определенных обстоятельств; чтобы начать мыслить, достаточно столкнуться с *вещами*. Вот в чем суть. Если мысль – это событие, то настолько же далекое, как пробуждение органов чувств ребенка. Мы подумали не иначе как почувствовав что-то, поскольку мы по необходимости думаем прежде всего о той доле общего со всем сущим, какую открывает нам в себе любое тело, какое угодно тело, когда мы его ощущаем. Мысль не была счастливой случайностью, удачной находкой; она возникла при встрече с вещами, на кончиках наших пальцев.

Таким образом, новорожденная мысль не имеет за собой ничего исключительного. В ней не бывает ничего примечательного, она оказывается у нас под рукой, стоит нахлынуть на нас миру существ, которые демонстрируют общие, объединяющие их черты. Каковы бы ни были

наши впечатления – изобилие, разброс, новизна, кричащее многообразие, разум не может не открыться почти сразу, как только он сформировался – как только ребенок готов предстать и поразиться тому, что бросается в глаза отовсюду: общему, связующему, своего рода интерреальности чувственного мира. Конечно, мы всегда имеем дело с отдельными вещами, и тем не менее сквозь оболочку их отдельности всегда просвечивает что-то, что их связывает, и именно это общее в них или в том, что мы можем сказать о них, заставляет нас начать мыслить. Мысль начинается с общего, которое само о себе сообщает. Она начинается еще до всего частного и особенного, что составляет язык нашего обыденного общения и заслоняет от нас событие. Мысль родилась не из изумления, не из шока перед чем-то экстраординарным; она вышла из лица, голоса, камешка, игрушки и всего того, что связывает их с остальным миром. Отправным пунктом нашего мышления послужила общность вещей, на которые «наткнулась» (cadit) наша способность чувствовать. Аристотель утверждал, что философия начинается с удивления. Философия – может быть. Мышление – нет. Мыслить значит наткнуться на вещи.

3. Неожиданным образом это разрешает другой вопрос, на первый взгляд курьезный, но на самом деле ключевой для этики и политики: почему все люди мыслят? Или, скорее, так: почему человек, каждый человек, научается мыслить (из чего следует, что абсолютной глупости не существует)? Как бы ни складывалась, как бы ни разворачивалась, к чему бы ни приводила жизнь человека, мы не найдем такого, кто был бы лишен способности мыслить, пусть даже в его памяти и не осталось никаких следов от первых шагов мышления. Почему? Да потому, что все люди чувствуют, – или, точнее, подсказывает нам Аверроэс, *потому что все осязают*.

Мы видим, мы слышим, мы чувствуем запахи, и нет недостатка в текстах, превозносящих то или иное чувство и настаивающих на его первостепенном значении; но когда дело касается мысли, формирования знаний, именно осязание открывает нас миру реального, и это меняет всё. Почему? Да потому, что осязание – это определяющее чувство животного, без которого его просто нет. Тело, которое не осязает, – труп. Как объясняет Аристотель, осязание – это единственное чувство человека, утрата которого приводит не просто к ослаблению восприятия, но к распаду самого чувствующего существа. Когда я слушаю, когда смотрю, я ставлю на карту один из своих органов, а когда трогаю что-то, на карте вся моя жизнь. Осязание – это чувство, из которого проистекает жизнь, и тезис сводится к следующему: ни один человек не лишен мысли, поскольку, будучи живым, не может не осязать.

Мы можем спокойно прожить жизнь без метафизики, без повода или желания обратиться к этой форме мышления, но не осязать мы не можем, и осязание, хотим мы того или нет, преобразуется в знание, пусть даже элементарное. Я ем, следовательно я осязаю; я осязаю, следовательно я мыслю, – такое напрашивается рассуждение, и его сопровождает красивый парадокс: ни один человек не лишен того, что, собственно, делает его человеком, но как раз постольку, поскольку он делает то, что делает животное. Пусть по-своему, отзываясь мыслью на свои ощущения, но я начинаю быть человеком потому, что, как любое другое животное, трогаю что-то. Разум часто сравнивали с рукой, но именно с той, что отличается от лапы своей исключительной способностью схватывать, использовать, манипулировать. Возможно, на самом деле всё гораздо проще. У любого из нас разум рождается в осязающей руке, в соприкосновении или столкновении тела с чем-то еще.

Но если мысль зиждется на способности осязать, необходимо уточнить, углубить, а возможно, и пересмотреть то, что было сказано ранее. Пусть мысль возникает при восприятии общего в обычном предмете, на который чувство «натывается», это не значит, что она отрешена от мира, безразлична к нему. Всё ровно наоборот. Осязание есть фундаментальная способность животного, позволяющая ему выживать, защищаться, оценивая во время перемещений, что для него полезно, а что вредно. Ощупывая что-то, животное-человек спасает себя. А это значит, что первая мысль, мысль-касание, мысль общего через соприкосновение, всегда по

сути своей связана со спасением. Мысль усиливает защиту; она противоположна безразличию или незаинтересованности. Мысль рождается не из спокойного удивления в безопасном мире, в укрытии, под защитой от угрозы. Мысль возникает в момент касания предмета, и, каким бы ни был этот предмет, каждое прикосновение значимо. Мы движемся на свой страх и риск в мире, полном добыч и ловушек; и мысль возникает через осозание как сублимация наших атак и уклонений. Всякая мысль есть управление касанием, столкновением, влиянием, *глотком*. Мы думаем, все думают, потому что нам нужно пить, а вода может быть как источником жизни, так и ядом.

3. Оценивать, соотносить

1. Я не *чувствую* опасности. Я не вижу неприязни врага, нежности друга или любви в теле того, кто меня любит. Всё это я *оцениваю*. Между ощущением и осмыслением есть оценивание – первый пробуждающий импульс мысли, без которого дело не обходится никогда. В арабском есть глагол *wahama*, означающий «сформировать представление о чем-либо», а его латинским эквивалентом может быть *aestimare* или *existimare*. Оценивание – способность животных, но также и человека, добавляющего к ней разум (не без трений, ведь каждая из двух способностей отстаивает свою уникальность и хочет существовать независимо). Наиболее известный пример, иллюстрирующий способность оценивания, принадлежит Авиценне: это овечка, убегающая от волка, который, как она опасается, причинит ей вред. Она видит лишь шерсть, цвет, движение; слышит только рычание, но чует в этих признаках смерть: она сразу «оценивает» враждебность другого животного, так же как противоположным образом оценивает и заботу своей матери, по которой тоскует. Но что на самом деле она улавливает и благодаря чему? Что может представлять собой сколько-нибудь значимая овечья мысль?

2. Для Авиценны способность оценивать располагается в центре мозга, рядом с воображением и памятью: это *wahmiya*, оценивающее. Его исключительная функция заключается в схватывании в чувственном того, что по-арабски называется *ma'nâ*, а по-латыни передается соблазнительным, но вводящим в заблуждение *intentio*. Термин *ma'nâ* не поддается переводу, и это осложняет дело. Исходно он означает стоящий за словом смысл, то, что мы имеем в виду, когда говорим. Стало быть, оценивать – значит улавливать в чувственном то, что чувственное хочет сказать, часть того, что оно означает, часть его смысла. И это – *ma'nâ*, *intentio*, волчья враждебность, моя нежность к матери – часть реальности, отдельный объект, который, будучи таковым, требует от нас особого качества, способного воспринять его добавочный характер. В чувственном, даже до вмешательства разума с его сетями, есть нечто большее, чем оно само. В ощущаемом есть оцениваемое. Всякая чувственно воспринимаемая реальность содержит в себе измерение, которое, строго говоря, не дано чувствам, само по себе нематериально, но проявляет себя только через конкретную вещь, являясь ее, скажем так, сингулярным, привязанным к обстоятельствам, свойством. Оценивать – значит улавливать в вещи этот сопряженный, совпадающий с нею аспект, воспринимать в ощущаемом нами предмете это не данное чувствам качество и выделять его, чтобы соответствующим образом реагировать. Так делает животное, так делает человек всякий раз – иначе говоря, всегда, – когда «чувствует» симпатию или отвращение, когда в конкретной ситуации оценивает, что для него полезно, а что вредно.

Мир – не декорация, не отдаленная от нас сцена, он всегда больше своей ощущаемой данности, своего первого плана, и мысль позволяет оценить и представить себе это. Однако оценивание не добавляет глубины, оно не обогащает наше пространство восприятия чем-то уникальным, показывая больше, а *поляризует его*. Позволяя увидеть то, что перед нами, как *какое-либо* (враждебное, вредное, приятное, охраняющее и т. д.), оно освобождает нас от ложной нейтральности вещей. Жизнь, открывающаяся благодаря этой мысли, – не предмет холодного противостояния лицом к лицу, это жизнь, вовлекающая в конкретно-реальное, напряженное соотношение сил, желаний, согласий и разногласий. Оценивать вещь – значит определять не что она есть, а что она значит, что она значит для меня здесь и сейчас. Да, волки охотятся на овец. Но для конкретной овечки важна враждебность конкретного голодного волка. Оценивание – это, по существу, ситуативное мышление движущегося тела, внимательного к тому, что происходит вокруг него. Таким образом, *ma'nâ*, значение, воспринимаемое индивидом в дополнение ко всему остальному, не является неким общим, абстрактным свойством, объективно заключенным в вещи как таковой; это то, что в этом свойстве заговаривает с ним в среде,

сформированной его психикой и телом. Дополнение, каким является оцениваемое, это коннотация, подтекст. Мысль выводит нас из прозы мира.

Якоб фон Икскюль, не ведая того или не осознавая в полном объеме, перекликается с этой идеей в своем знаменитом «Учении о значении». По мысли Икскюля, животное вступает не в отношения с «объектом», живет не в мире «вообще», а развивается в конкретной среде, в своем собственном мире, где вещи существуют постольку, поскольку они имеют для него *значение*. Следовательно, для него нет чистой реальности, оно вступает в отношения лишь с *носителями значения*, формирующими его среду обитания. В поддержку своих рассуждений Икскюль неожиданно ссылается на мысль Средних веков, утверждая, что средневековое различие субстанции и акциденции соответствует, с точки зрения животного, различению основных и второстепенных *значений*: «Схоласты, – пишет он, – различали в свойствах объекта *essentia* (sic) и *accidentia*. Несомненно, что под этим они имели в виду носители значения, поскольку без отношения к субъекту свойства объекта не обнаруживают этой иерархии. Только более или менее тесная связь носителя значения с субъектом позволяет разделить свойства на основные (*essentia*) и второстепенные (*accidentia*)». Замечание точное, хотя Икскюлю правильнее было бы сослаться на урок Авиценны: в чувственном есть то, что действительно нами ощущается, – собственные и общие *sensibilia*, и есть *intentiones*, «искомые», то есть значения чувственного, смешанные с ним, акцидентно связанные с материей и делающие природу средоточием многообразных коннотаций.

3. В свою очередь, Аверроэс не предусматривает этой способности оценивания, воспринимающей значения. Животному, чтобы ориентироваться в пространстве и реагировать на среду, она не нужна, достаточно воображения; а человеку приблизиться к смыслу чувственного позволяет другая способность – соображающая (*cogitative*), *fikriyya*. Мыслить по поводу ощущения значит не оценивать, а соображать. Способность соображать, которую латиняне будут называть *virtus cogitativa*, также находится в центре мозга, и ее функция заключается в постижении *ma'nâ*, этого специфического значения, о котором уже шла речь. Аверроэс, однако, понимает его по-другому, он уже не говорит о враждебности, вредности, притягательности или любви. То, что воспринимает соображающий человек, есть чувственное в его индивидуальности. Увлекаемый разумом, расширяющим понимание конкретно-реального, позволяющим охватить больше, чем сам объект ощущения, заглянуть дальше и ближе видимого, человек, ощущая и воображая, имеет дело не просто со смутными, разрозненными аффектами, сгустками неуправляемой беспорядочной информации. Если перед нами лошадь, ее ментальный образ, то соображать – значит, помимо различных ее качеств, что мы видим непосредственно, выявлять то, что делает ее этой конкретной лошадью. Если же перед нами человек и мысленный образ этого конкретного человека, то соображать – значит схватывать то, что делает его этим конкретным человеком, так же как, глядя на портрет, мы узнаем черты конкретной личности. Аверроэс сравнивает это – ядро смысла – с мякотью под коркой плода. Соображающая мысль (*cogitation*) открывает доступ к уникальной сердцевине вещей, позволяет нашим ментальным образам, соотнося их с их источниками, служить своего рода портретами: соображать – значит превращать наши образы в правдивые иконы мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.